

ВВЕДЕНИЕ

Периоды кризисов или быстрых социальных изменений обладают особой ценностью для социологии. Как и всякие перемены или неудачи, они обостряют рефлексию, создают спрос на знание, которое может помочь если не решить, то хотя бы понять возникающие проблемы. Но главная особенность быстрых социальных изменений состоит в том, что они создают для социологии нечто вроде лабораторных условий, в которых можно наблюдать в реальном времени формирование социальной организации, институтов, запуск новых социальных механизмов или складывание нового порядка. В эти периоды социальная ткань обнажена и многие явления, которые в стабильном обществе скрыты за идеологической завесой или повседневной рутинной, буквально бросаются в глаза, навязывают себя, представляют для социолога захватывающее зрелище. В прошлом именно такие явления, как индустриализация в Европе, иммиграция и урбанизация в США, межвоенные кризисы на обоих континентах, собственно, и вызвали к жизни социологию. Революция 1917 г. и сталинские пятилетки могли сыграть такую же роль, но не сыграли, став для социологии упущенным шансом и доставшись в основном историкам или «советологам».

С начала 1990-х гг. лабораторией для социальных наук снова стали Россия и Восточная Европа. Появилась возможность исследования в реальном времени смены политических режимов, общественного устройства, формирования рынков. Обществоведы оказались свидетелями процессов, по масштабу и значимости аналогичных тем, которые когда-то дали толчок развитию социологии. С горькой иронией можно даже сказать, что сегодня в России социальные науки наконец-то имеют возможность изучать множество неудачных экспериментов и непреднамеренных последствий. Сейчас уже ясно, что страна заплатила огромную цену за переход к новой политико-экономической системе. По разным причинам социология, как и другие смежные дисциплины, оказалась не способной предсказать грядущий кризис или предупредить ошибки, совершенные при пла-

нировании и осуществлении реформ. Поэтому единственное, что остается, — это хотя бы изучать то, что происходило и происходит в различных сферах общества в период кризиса и быстрых изменений российского общества и постараться использовать полученное знание для развития самой дисциплины.

Написание данной книги было попыткой решить подобную задачу. Эта книга о роли организаций, обладающих преимуществом в использовании насилия, в хозяйственной жизни обществ, — как в теоретической перспективе, так и современной российской действительности. Поэтому она состоит из двух частей. В первой части содержится обзор теорий и исследований, которые вместе составляют концептуальную основу для изучения феномена силового предпринимательства. К ним относятся как экономико-социологические теории государства, большинство из которых так или иначе связаны с данным Максом Вебером классическим определением государства как территориальной монополии легитимного насилия, так и сравнительные исследования мафии, которая большинством авторов рассматривается как аналог или конкурент государства. Во второй части приводится исследование роли силовых структур в формирующейся рыночной экономике России. Тем самым концепция силового предпринимательства, выработанная в первой части, получает эмпирическое наполнение и развитие.

* * *

С самого начала реформирования системы государственного социализма в СССР непредвиденные последствия реформаторских инициатив оказывались гораздо значительнее ожидаемых. Уже в 1988—1989 гг., на заре кооперативного движения, социальные процессы начали незаметно выходить из-под контроля или давать на первый взгляд неожиданные результаты. Экономическая либерализация второй половины 1980-х гг. была призвана разбудить предпринимательскую инициативу населения, предоставить более широкие возможности повышения личного благосостояния экономически активным группам населения и тем самым стимулировать экономический рост. Когда во Дворце съездов все еще кипели дебаты по поводу гласности, новые предприниматели уж вовсе занимались частной коммерцией. Однако они были не единственными, кого моби-

лизовала горбачевская перестройка. Либерализация подвигла к бурной активности и тех, кто не участвовал в реформаторских проектах, но вскоре прочно утвердился в качестве основного символического персонажа происходящих перемен. Те, кого люди прозвали «рэкетирами» или «бандитами» и кого правоохранительные органы стали называть «организованной преступностью», появились в массовом количестве примерно в то же время, что и новый класс предпринимателей, — в самом конце 1980-х гг. На фоне всеобщего перестроечного оптимизма все же прозвучало несколько мрачных прогнозов по поводу опасности, исходившей от так называемой «красной мафии». Но даже авторы этих прогнозов, указывавших в основном на коррумпированную партийную номенклатуру, не принимали всерьез двадцатилетних «качков» в «самопальных» спортивных костюмах «Адидас», ринувшихся на рынки собирать дань с кооператоров. На некоторое время рэкет станет повседневной реальностью российского бизнеса, особенно мелкого и среднего его сегментов, а появление бандитов заметно изменит социальный ландшафт российских городов. Менее чем через десять лет многие из них погибнут в результате многочисленных перестрелок и заказных убийств, кто-то сядет в тюрьму, иные же станут видными представителями региональных бизнес-элит.

На некоторое время влияние этой группы станет преобладающим в экономике, политике и повседневной жизни. Бандитская субкультура «обогастит» российскую массовую культуру романами, кинофильмами и песнями соответствующего стиля и содержания, которые в свою очередь сделают слова, жесты и нормы новой социальной группы еще более популярными в потерявшем ценностные ориентиры обществе. В середине 1990-х гг. мировая пресса будет писать о том, что российская организованная преступность угрожает не только реформам внутри страны, но и безопасности других стран. Российский президент назовет свою страну «преступной сверхдержавой». Наряду с группами более или менее сильной уголовной ориентации в политико-экономической жизни страны появятся не менее многочисленные организации, состоящие из работников правоохранительных органов и органов госбезопасности, вполне официально предлагающие охранные услуги, но на деле мало чем отличающиеся от бандитских группировок. А к 2000 г. про-

блема организованной преступности неожиданно начнет терять былую остроту, а фигура бандита со всеми ее легко узнаваемыми атрибутами отойдет на второй план, вызывая уже скорее иронию, нежели страх. Всего за пару лет бандиты исчезнут так же неожиданно, как и появились.

Речь идет, конечно, не о «физических» лицах, многие из которых по сей день живут и процветают, а о появлении и исчезновении бандитов как класса, т.е. социальной группы и общественного явления, социального института и явления культуры. Однако социологическое определение предмета будет иным. Хотя объектом рассмотрения во второй части настоящей книги являются прямо или косвенно знакомые каждому так называемые бандитские, силовые или охранные структуры (иными словами, «крыши») и те, кто их обеспечивал, с социологической точки зрения нас интересуют общественные отношения, связанные с использованием силы в целях получения регулярного дохода, а также практика, нормы и институциональные функции организаций, созданных для повышения эффективности коммерческого использования силы. Все эти аспекты мы объединили в понятие «силовое предпринимательство».

Зачем было вводить новое понятие, когда есть устоявшиеся, хорошо знакомые любому термины «организованная преступность» и «мафия»? Изобретение и употребление определенных слов или понятий является важнейшей частью деятельности различных социальных институтов. Слова не просто отражают некоторую реальность во «внешнем» мире, но также несут отпечаток социального института, который запустил их в употребление и наделил инструментальной функцией. Термины «организованная преступность» и «мафия» принадлежат именно к такой категории слов. Они используются государством и средствами массовой коммуникации как инструменты воздействия на определенные группы и общественное мнение.

Социология как наука о социальных институтах обязана иметь свое видение реальности, отличное от того, которое вплетено в практику изучаемых ею социальных институтов. Поэтому она либо вырабатывает свои понятия (например, «социальная мобильность», «гендер»), либо переопределяет уже существующие. Так, социологи, изучавшие сицилийскую мафию, переопределяли ее как «фигура-

цию политических посредников» или же как «индустрию частных охранных услуг». Некоторые даже пошли дальше, утверждая, что «мафии» как некоторой сущности или единой организации не существует и на самом деле этим словом обозначается набор методов и практик использования насилия индивидами или группами. Термин «организованная преступность» является более обязывающим, т.е. ценностно нагруженным, поскольку подразумевает деление общества на два мира: легальный и преступный. Проведение и поддержание границы между этими мирами — одна из основополагающих функций государства. Если социолог идет по пути использования существующих понятий, то он либо неявно принимает точку зрения государства и изучает социальную организацию «преступности», либо занимает радикально-критическую позицию и исследует то, как само государство производит классификацию, конструируя «преступность» или «мафию». В обоих случаях государство присутствует как нечто значимое: в первом случае как неявный источник категорий, во втором — как объект исследования.

Но если вынести государство «за скобки» и не рассматривать его как некий привилегированный институт, мы получим третий подход, который можно было бы назвать реалистическим. Он отсылает нас к старой идее «естественного состояния» (*the state of nature*), высказанной еще Томасом Гоббсом в «Левиафане» (1651). Определяющей чертой естественного состояния является отсутствие какого-либо центрального правительства, которое ограничивало бы действия индивидов и их выбор средств достижения цели. Это состояние господства естественных прав, в котором для достижения своих целей каждый волен использовать любые средства, включая насилие, и соответственно ожидает того же от других. «Там, где нет общей власти, нет закона, а там, где нет закона, нет несправедливости, — пишет Гоббс. — Сила и коварство являются на войне двумя основными добродетелями»¹. В естественном состоянии собственность существует лишь постольку, поскольку каждый может сам удержать то, чем он владеет. Противоположным состоянием, по Гоббсу, является гражданское состояние, в котором индивиды либо насильственно лишены, либо добровольно отказались от естествен-

¹ Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. С. 88.

ного права устанавливать законы самим себе в пользу некоторой верховной власти. При этом верховная власть гарантирует всем защиту жизни и собственности и предписывает единые для всех законы. Так возникает государство, т.е. организация, устанавливающая иерархию и порядок, в противоположность анархии, характерной для естественного состояния. Естественному состоянию свойственно наличие множества автономных индивидов или групп, готовых к применению силы для реализации своих интересов. Единственное, что их сдерживает, — это силовой потенциал других таких же индивидов или групп. В отличие от естественного состояния, в системе, где присутствует государство, использование силы монополизировано лишь одним человеком, одной группой или организацией, а остальные (люди, группы, организации) разоружаются в их пользу и подчиняются установленным ими правилам.

Со времен Гоббса фундаментальное различие между двумя типами состояния, естественным и гражданским, также использовалось для определения двух типов политики: международной («война всех против всех») и внутренней («иерархия и порядок»). Хотя с той поры естественное состояние рассматривается преимущественно как характеристика сферы международной политики, в которой основными единицами являются суверенные государства, его неправомерно сводить лишь к взаимодействию государств. По существу, любая система, состоящая из автономных единиц, владеющих силовым ресурсом и свободных в его применении, изоморфна системе международной политики, а любая сфера, в которой присутствуют монополия на установление правил и контроль за их исполнением, образует подобие внутренней политики.

Общее допущение, из которого исходит автор настоящей книги, состоит в том, что, хотя организационные и символические атрибуты государственности формально продолжали существовать, Россия середины 1990-х гг. была гораздо ближе к естественному состоянию, как его описал Гоббс, чем к гражданскому, предполагающему наличие государства. Те, кто по должности обязаны были следить за порядком и исполнением законов, на деле предоставляли частные охранные и арбитражные услуги, конкурируя на одном экономическом поле со своими оппонентами из преступных группировок или других неформальных силовых структур. Множество разнообразных полу-

военизированных формирований — от профессиональных уголовников до работников правоохранительных органов, от бывших спортсменов до казачьих объединений — активно занимались специфическим видом коммерческой деятельности, применяя силу, угрозы, давая гарантии, разрешая конфликты и контролируя исполнение решений. Быстрота социальных перемен дестабилизировала социальные нормы и требовала постоянной ревизии законодательства. В этих условиях однозначная моральная и правовая квалификация действий и поступков людей становилась все более и более затруднительной. Различия между общественным и личным, государственным и частным, законным и незаконным стали весьма условными.

В таком контексте использование традиционных терминов («организованная преступность», «мафия» и т.п.), осмысленное употребление которых предполагает вышеназванные различия и отсылает к «точке зрения» государства, представляется неадекватным. Поэтому автор и предпочел использовать более нейтральные термины — «силовые предприниматели» и «силовые структуры» и предлагает изучать не «организованную преступность», а применение социально организованной силы в экономических отношениях.

Таким образом, в отличие от криминологии, которая рассматривает описываемые в настоящей книге явления как поведение, нарушающее рамки закона и, следовательно, определяемое как преступное, мы исходим из социологического видения, в соответствии с которым силовое предпринимательство рассматривается и как определенный тип действия, и как важнейшая составляющая социально-экономической структуры раннего капитализма в России в 1988—2001 гг. Используя термины «силовое предпринимательство» и «силовая структура» как широкие аналитические категории, мы также будем употреблять и принятые в быденном языке термины, обозначающие различные эмпирические объекты: «преступная группировка», «бандит(ы)», «охранное предприятие», «крыша» и т.п., несмотря на то что они могут приносить нежелательные для социологического исследования предрассудки, моральные оценки или правовые определения.

Для того чтобы переосмыслить описанные выше явления как силовое предпринимательство и связать их с формированием рынков и государства в постсоветской России, необходимо прояснить целый

ряд теоретических и концептуальных вопросов. Поэтому первая часть книги посвящена теоретическому прояснению роли силового ресурса в конституировании и воспроизводстве обществ, а также его использования для поддержания институциональной среды рыночной экономики. По сути, первая часть книги — попытка ответить на вопрос о том, какова роль социально-организованного насилия в хозяйственной жизни обществ.

Цель второй части книги — дать ответы на следующие вопросы. Каковы социально-экономические обстоятельства, вызвавшие быстрое образование организованных преступных группировок и других частных силовых структур в России в период после начала перестройки? В чем состояла их деятельность? Какова была их роль в становлении нового социально-экономического порядка? Каков характер эволюции частных силовых структур, и как их эволюция связана со становлением экономического рынка и формированием государства в России?

Источниками первичной информации послужили 27 глубинных интервью с представителями различных силовых структур (в том числе организованных преступных группировок), предпринимателями и экспертами, проведенные в Санкт-Петербурге, Москве и Екатеринбурге, неофициальные материалы и данные, полученные правоохранительными органами, материалы журналистских исследований и публикации прессы, а также собственные наблюдения автора.

Многое из того, что содержится в книге, следовало бы описывать в прошедшем времени. Исчезновение силовых предпринимателей, особенно «бандитского» стиля, является следствием серьезных сдвигов в политико-экономических отношениях. Но еще одним следствием этих сдвигов, как это бывало и раньше, будет стремление изменить прошлое. Еще немного, и мы станем свидетелями рождения препарированной «истории» новой рыночной экономики и формирования нового российского государства, где едва ли найдется место всей той жестокости и грубой силе, которыми пропитаны истоки любого, в том числе российского, капитализма. Поэтому настоящее исследование — это еще и попытка написать своего рода критическую генеалогию, т.е. выделить и исследовать один из наименее благородных аспектов действительного становления рыночной экономики и рождения государственности.

Без помощи и поддержки друзей, коллег и организаций этот проект едва ли стал бы возможен. Различные части этого исследования обсуждались с преподавателями и аспирантами факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургского филиала Государственного университета — Высшей школы экономики. Автор благодарит Елену Богданову, Владимира Гельмана, Виктора Каплуна, Эдуарда Понарина, Эллу Панеях, Вадима Радаева, Бориса Фирсова и Олега Хархордина. Неоценимую помощь в проведении исследования оказал замечательный коллектив Агентства журналистских исследований (Санкт-Петербург). Автор признателен Андрею Константинову (Баконину), Евгению Вышенкову, Роману Лебедеву и всем сотрудникам агентства. На разных этапах важное содействие в проведении исследования оказали Яков Гишинский, Вячеслав Житенев, Алена Леденева, Кирилл Метелев.

Автор также признателен зарубежным коллегам Чарльзу Тилли, Диего Гамбетте и Федерико Варезе, в процессе общения с которыми создавалась эта книга. Особую благодарность автору хотелось бы выразить ученым, которые в разные периоды являлись его научными руководителями: Николаю Раскову, Валерию Голофасту, Леониду Ионину, Энтони Гидденсу, Питеру Бёрку. И отдельно следует поблагодарить тех людей, которые согласились ответить на вопросы в ходе интервью, но чьи имена в настоящей книге заменены псевдонимами.